Тхамокова И. Х. Особенности общественного строя адыгов (шапсугов, натухайцев и абадзехов) в первой половине XIX века / И. Х. Тхамокова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 471—487. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-471-487.

Tkhamokova, I. Kh. (2022). Features of Social Structure of Adyghes (Shapsugs, Natukhais and Abadzekhs) in First Half of 19th century. *Nauchnyi dialog*, 11(1): 471-487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-471-487. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-471-487

Особенности общественного строя адыгов (шапсугов, натухайцев и абадзехов) в первой половине XIX века

Тхамокова Ирина Хасановна

orcid.org/0000-0002-6020-7420

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
сектор этнологии и этнографии
omarakana@mail.ru

Институт гуманитарных
исследований —
филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
(Нальчик, Россия)

Features of Social Structure of Adyghes (Shapsugs, Natukhais and Abadzekhs) in First Half of 19th Century

Irina Kh. Tkhamokova

orcid.org/0000-0002-6020-7420

PhD in History, Senior Researcher
sector of ethnology and ethnography
omarakana@mail.ru

The Institute for the Humanities
Research — Affiliated Federal State
Budgetary Scientific Establishment
“Federal Scientific Center
“Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”
(Nalchik, Russia)

© Тхамокова И. Х., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об особенностях социальных институтов шапсугов, натухайцев и абадзехов — трех групп адыгов. Актуальность исследования обусловлена тем, что эта проблема представляет интерес для кавказоведения и для решения теоретических задач истории и этнографии. Новизна работы видится в использовании архивных документов, впервые вводимых в научный оборот и в новой интерпретации уже известных источников. Доказывается, что некоторые особенности общественного строя этих групп сложились в те времена, когда они проживали в горах и имели возможность не подчиняться власти князей. Показано, что другие особенности явились результатом социальных конфликтов конца XVIII — первой половины XIX веков. Поднимается вопрос о причинах победы крестьянства в этих конфликтах. Отмечается, что к ним относятся родственная и общинная солидарность, а также широкое распространение огнестрельного оружия. Особое внимание уделяется таким социальным институтам шапсугов, натухайцев и абадзехов, как «братства», основанные на кровном родстве и на присяге о взаимопомощи. Выявлена их роль в консолидации крестьянства и усилении его влияния. Утверждается, что благодаря «братствам» численность и территория этих трех групп значительно расширились. Автор выявляет также роль сельских общин и их союзов разных уровней в политической системе.

Ключевые слова:

адыги; шапсуги; натухайцы; абадзеги; общественный строй.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the peculiarities of the social institutions of the Shapsugs, Natukhais and Abadzekhs — three groups of Circassians is considered. The relevance of the study is due to the fact that this problem is of interest for Caucasian studies and for solving theoretical problems of history and ethnography. The novelty of the work is seen in the use of archival documents, introduced into scientific circulation for the first time and in a new interpretation of already known sources. It is proved that some features of the social structure of these groups developed in those times when they lived in the mountains and had the opportunity not to submit to the power of the princes. It is shown that other features were the result of social conflicts at the end of the 18th — the first half of the 19th centuries. The question is raised about the reasons for the victory of the peasantry in these conflicts. It is noted that these include kinship and community solidarity, as well as the widespread distribution of firearms. Particular attention is paid to such social institutions of the Shapsugs, Natukhais and Abadzekhs as “brotherhoods” based on consanguinity and on the oath of mutual assistance. Their role in the consolidation of the peasantry and the strengthening of its influence is revealed. It is argued that thanks to the “brotherhoods” the number and territory of these three groups greatly expanded. The author also reveals the role of rural communities and their unions at different levels in the political system.

Key words:

Adyghes; Shapsugs; natukhians; abadzekhs; social system.

Особенности общественного строя адыгов (шапсугов, нутухайцев и абадзехов) в первой половине XIX века

© Тхамокова И. Х., 2022

1. Введение = Introduction

Шапсуги, нутухайцы и абадзехи — три группы адыгов, которые занимали в первой половине XIX века значительную часть Северо-Западного Кавказа. Одна из главных особенностей их общественного строя заключалась в том, что у них не было князей, то есть высшей социальной группы, которая существовала у других адыгов (бжедугов, темиргойцев, хатукайцев, бесланеевцев, кабардинцев и т. д.). Вторая особенность — социальный переворот конца XVIII — первой половины XIX веков, в ходе которого дворянство потеряло значительную часть своей власти и привилегий, а крестьянство, особенно крестьянские «старшины», значительно усилили свое влияние. Третья проблема — это соотношение кровнородственных и территориальных структур в системе власти этих групп и в политических событиях. Исследование данных особенностей имеет значение для решения теоретических проблем истории и этнографии, таких как эволюция социальных систем или становление государства.

Особенности общественного строя шапсугов, нутухайцев и абадзехов отмечали еще авторы XIX века [Люлье, 1857, с. 235; Сталь 1900, с. 153; Хан-Гирей, 1978, с. 149—150]. Однако изучением причин этого своеобразия в тот период занимались мало.

Историки советского времени охарактеризовали общественный строй всех адыгов как феодальный. Но при этом некоторые из авторов отмечали разный уровень его развития в зависимости от ландшафта и природных условий [Очерки истории ..., 1957, с. 177]. Другие полагали, что эти различия были обусловлены ходом классовой борьбы [Гарданов, 1967, с. 128; Покровский, 1989, с. 34]. Но вопрос о том, почему в одних случаях крестьянам удалось добиться успеха в этой борьбе, а в других — нет, не получил убедительного ответа.

В XXI веке ученые уточняли формулировки советского периода и предлагали новые интерпретации, такие как переход (в рамках феодализма) от одной формы экономической и политической организации к другой [Чирг, 2013, с. 274]. Обращали также внимание на роль ислама и османских властей в распространении идей социального равенства [Хотко, 2016, с. 178, 180].

Тем не менее вопрос о причинах социальных преобразований у шапсугов, нутухайцев и абадзехов в первой половине XIX века, а также об усилении их влияния и в настоящее время «является одним из ключевых вопросов этнографии Кавказа и причиной глубоких споров» [Дмитриев, 2007, с. 224]. Это заставляет еще раз обратиться к указанным проблемам и заново проанализировать имеющиеся сведения.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Для изучения истории и этнографии шапсугов и нутухайцев первой половины XIX века особое значение имеют нарративные источники. Их сохранилось немало, что объясняется прежде всего международной обстановкой того времени — обострением Восточного вопроса, Кавказской войной. В таких условиях и Россия, и западноевропейские страны проявляли большой интерес к народам Кавказа, в том числе к шапсугам, нутухайцам и абадзехам. У них побывали и оставили свои описания и англичане [Bell, 1840; Longworth, 1840], и французы, и поляки [Лапинский, 1995], а также российские авторы [Люлье, 1857; Люлье, 1862; Каменев, 1867; Сталь, 1900; Дьячков-Тарасов, 1902]. В этот период появились и первые писатели-адыги [Хан-Гирей, 1847; Хан-Гирей, 1978].

Большое значение имеют содержащиеся в работах всех этих авторов сведения о социальной структуре, обычном праве, организации власти у шапсугов, нутухайцев и абадзехов, тем более что многие из описанных тогда явлений вскоре исчезли и не были зафиксированы другими источниками.

Дополнением нарративных источников служат архивные документы. Некоторые из них в данной работе впервые вводятся в научный оборот. Они содержат сведения о народных собраниях, о социальных конфликтах и социальной иерархии, что помогает уточнить и конкретизировать сведения, содержащиеся в других источниках.

Общественный строй шапсугов, нутухайцев и абадзехов изучается в сравнении с другими адыгами и народами Кавказа в целом. Для объяснения полученных результатов большое значение имеют научные труды, в которых отмечается связь между ландшафтом и особенностями социально-политической системы многих народов [Коротаев, 1995; Скотт, 2017]. Применительно к адыгам эта проблема была поставлена З. А. Цеевой [Цеева, 2017, с. 68—80]. В данной статье приводятся новые источники, показывающие влияние ландшафта на социальную структуру шапсугов, нутухайцев и абадзехов. Но это был не единственный фактор, определявший особенности их общественного строя. Среди других большое значение имело их вооружение, в том числе широкое распространение огнестрельного оружия, позволившее крестьянам одерживать верх в социальных кон-

фликтах [Покровский, 1989, с. 58]. Наконец, анализ таких социальных институтов, как «соприсяжные собратства» и общины нескольких уровней, дает дополнительные объяснения социально-политического своеобразия этих групп.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социальная иерархия и социальные конфликты

Шапсуги, нутухайцы и абадзехи не имели князей. Этот факт пытались объяснить многие историки. Л. Я. Люлье писал о том, что у шапсугов и нутухайцев когда-то имелся княжеский род, «но впоследствии, как надо полагать, пресекался» [Люлье, 1857а, с. 233]. Однако никаких доказательств его существования ни Л. Я. Люлье, ни какие-либо другие авторы не приводят. Не сохранились ни имена этих князей, ни предания о них. Другие адыги помнили даже об исчезнувших княжеских фамилиях. Тот же Л. Я. Люлье писал о том, что у группы гоаие, жившей на Черноморском побережье Кавказа, существовал когда-то княжеский род Шесхако, но затем он пресекался, как и княжеский род Арин у их соседей — группы цюхух [Люлье, 1857б, с. 185]. Однако ни у шапсугов, ни у нутухайцев, ни у абадзехов не было подобных преданий. Даже в легендах шапсугов и нутухайцев о переселении их предков на Кавказ (они считали себя выходцами из Аравии) говорится о том, что ими предводительствовал тогда знатный дворянский род Абат, но не князя [Хан-Гирей, 1978, с. 202].

В. А. Дмитриев предположил, что шапсуги и нутухайцы когда-то зависели от князей другой группы адыгов — жанеевцев [Дмитриев, 2007, с. 221—222]. Но воспоминания об этом тоже не сохранились. Поэтому с еще большей вероятностью можно допустить, что ни у шапсугов, ни у абадзехов, ни у нутухайцев князей никогда не было.

Возможно, следует ставить вопрос не о причинах их отсутствия в этих группах, а о причинах их появления у других адыгов. В поисках ответа на этот вопрос можно обратиться к представлениям самих адыгских князей об их власти и условиях ее появления. Во второй половине XVIII века два кабардинских князя — Коргока Татарханов и Джанхот Сидаков — писали в Петербург о том, по какому праву они собирают подати с нескольких народов Северного Кавказа. «По оставшемуся от предков наших обыкновению, подвластные наши народы, выходя из горских жилищ для поселения на степь, и сея тамо к пропитанию себя хлеб, платят нам, дабы они ни от кого притесняемы и изнуряемы не были, подать ...» [ЦГА КБР. ф. 1209. оп. 17. д. 61. л. 94 об.]. Из этих слов следует, что им платили за защиту от разорения. Но главное, что появление податей они связывают с переселением на равнину. Хотя от этих князей зависели и некоторые горцы, но сами

князя придают особое значение именно переселению на плоскость — как будто в горах можно было защититься от врагов и без их помощи.

Подобная точка зрения имеет своих сторонников и среди ученых. Неоднократно отмечалось, что в разных странах и на разных континентах народы, жившие в горах, противостояли попыткам государств подчинить их [Скотт, 2017]. И на Северном Кавказе, в горах Дагестана, Чечни и Ингушетии, существовали «вольные общества» [Азизова, 2014, Ахмадов, 2004].

Но шапсуги, нутухайцы и абадзехи первоначально жили именно в горах. Только в XVIII — начале XIX веков часть из них заняла равнины вплоть до левого берега Кубани [Люлье, 1857а, с. 228—229; Дьячков-Тарасов, 1902, с. 13]. Проживая в горах, они могли самостоятельно дать отпор врагам, в том числе и князьям, которые хотели подчинить их. Абадзехи сохранили предания о том, что их предки сумели отстоять свою независимость и от бжедугских князей, и от кабардинских князей, пытавшихся обложить их данью [Дьячков-Тарасов, 1902, с. 10—11; Каменев, 1867, № 5].

Высшую ступень в социальной иерархии шапсугов, нутухайцев и абадзехов занимали дворяне. Самые знатные шапсугские и нутухайские дворяне состояли в родстве с кабардинскими «первостепенными узденями» (но не с князьями), нутухайская фамилия Чупако — с Куденетовыми, а шапсугская Абат — с Тамбиевыми [Каменев, 1867, № 14; Люлье, 1857а, с. 233]. Были у шапсугов, нутухайцев и абадзехов и дворяне других степеней, но у них не выявлена такая сложная многоступенчатая иерархия дворянства, которая существовала, например, у кабардинцев. Отчасти это было следствием отсутствия князей, а значит — и нескольких категорий дворянства, которые служили бы князьям.

Дворяне, как и князья, должны были оборонять свой народ. Об этом писал, например, Хан-Гирей: «Шапсугское дворянство господствовало в своем поколении, защищало народ от чужеплеменного насилия» [Хан-Гирей, 1847, № 42]. Почти то же самое говорил один из известнейших шапсугских дворян Кзильбеч (Казбич) Шеретлуков в 1831 году во время конфликта с шапсугскими крестьянами. Он предупреждал их, чтобы «они не надеялись на защиту шапсугских дворян» в случае нападения врагов [ГАКК. ф. 249. оп. 1. д. 1231. № 43. л. 4.].

Единственным занятием, достойным адыгского дворянина, считались военные походы. По словам Хан-Гирея, дворяне большую часть жизни проводили на коне, в разъездах [Хан-Гирей, 1978, с. 252]. У них было лучшее оружие и кони, а также военная подготовка. Именно дворяне были самыми прославленными героями: Мансур Хаудоко из рода Чупако у нутухайцев [Longworth, 1840, v. 1, p. 99.] или тот же Кзильбеч Шеретлуков у шапсугов.

Большую часть шапсугов, нутухайцев и абадзехов составляли свободные крестьяне, или «вольные хлебопашцы», как называл их Хан-Гирей. В XVIII веке они в какой-то мере зависели от своего дворянства. Но в чем именно выражалась их экономическая или политическая зависимость, точно не известно. Народ был подчинен «дворянству на определенных не ясно, но тем не менее тягостных условиях, которые возникли от местных обстоятельств и утвердились временем» [Хан-Гирей, 1847, № 42]. В одном из источников упоминаются какие-то подати, но точных сведений о них нет [ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 210, л. 76].

В конце XVIII — первой половине XIX веков у шапсугов, нутухайцев и абадзехов произошел социальный переворот, о причинах которого высказывались различные мнения. М. В. Покровский называл одной из предпосылок победы крестьянства наличие у него огнестрельного оружия [Покровский, 1989, с. 58], но подробно исследователь не остановился на этом обстоятельстве, хотя оно заслуживает внимательного изучения.

В XVIII веке огнестрельное оружие приобрело самое широкое распространение на Северном Кавказе. К XIX веку его имели едва ли не все шапсуги, нутухайцы и абадзехи, даже самые малообеспеченные. Так, шапсуг Бесленей Абат говорил «Мы не богаты, у нас каждый имеет ружье, но не все по одной жене и корове» [Хан-Гирей, 1847, № 42]. И хотя народное войско, с точки зрения аристократа Хан-Гирея, было страшно только его числом, а не воинственностью и исправностью вооружения, все же народ в конечном счете сумел взять верх над дворянством.

Первоначально шапсугские крестьяне, поддержанные абадзехами, потерпели поражение в 1796 году в Бзиюкской битве от шапсугских дворян, на стороне которых выступали также бжедуги и отряд казаков с пушкой. Однако уже 2 года спустя, в 1798 году, Султан-Али Шеретлуков, один из предводителей шапсугского дворянства, вынужден был бежать с родины [ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 383, л. 3—8].

Его примеру затем последовали многие шапсугские и нутухайские дворяне. Они неоднократно просили о помощи и Россию, и Турцию, но им так и не удалось вернуть свою власть. Распространение огнестрельного оружия привело к тому, что шапсуги, нутухайцы и абадзехи не только попали в зависимость от князей после переселения на равнины, но и сумели лишить влияния собственное дворянство.

Постепенно знать в этих группах утратила многие свои привилегии. Нагляднее всего об этом свидетельствует размер выкупа за убийство. Первоначально за убийство дворянина он был в несколько раз выше, чем за убийство крестьянина, но в первой половине XIX века он несколько раз

снижался, а выкуп за убийство крестьянина повышался — и в конечном счете они сравнялись [Люлье, 1866, с. 12].

Некоторые из дворян пользовались большим уважением в обществе как прославленные воины или искусные ораторы, но сам по себе дворянский ранг имел небольшое значение [Longworth, 1840, v. 1, p. 99.].

Свободные крестьяне у шапсугов, нутухайцев и абадзехов стали полноправными членами общества: принимали участие в народных собраниях, владели землей и могли приобретать рабов или крепостных. Они могли быть богаче дворян. Свободные крестьяне не только занимались сельским хозяйством, но и бывали в военных походах, среди них были свои герои, как шапсуг Джанбулат с реки Абин, о подвигах которого складывали песни [Ibid., p. 174.].

По свидетельству Хан-Гирея, «вольные земледельцы в племенах, имеющих народное правление, не зная над собою никакой власти иного класса, пользуются совершенною свободою» [Хан-Гирей, 1978, с. 123—124]. Полная независимость свободного крестьянства отличала шапсугов, нутухайцев и абадзехов от других групп адыгов.

На низшей ступени социальной иерархии у шапсугов, нутухайцев и абадзехов, как и у других народов Кавказа, стояли рабы. Чаще всего это были люди, захваченные в плен во время войн и набегов.

Более многочисленную категорию зависимого населения составляли зависимые или крепостные крестьяне. Первоначально они делились на 2 основные категории. Одни из них несли «менее тягостные повинности», но какие именно — точно не известно [Хан-Гирей, 1847, № 42]. Когда дворянство у шапсугов, нутухайцев и абадзехов утратило власть, они отказались от повиновения своим владельцам. «Народ прямо не вступался за этих людей; по крайней мере не требовал от дворянства решительного отказа от своих прав над ними, но между тем и не выдавал их владельцам, которые будучи не в состоянии без помощи народа снова покорить их своей власти, потеряли их на самом деле ...» [Там же]. Это нанесло большой материальный ущерб дворянству. Оно неоднократно пыталось вернуть зависимых крестьян, но в большинстве случаев безуспешно. В 1847 году шапсугские и нутухайские дворяне жаловались на то, что народ отнял у них 8466 семей, им подвластных, и заставил их присягой присоединиться к своему обществу [ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 89, л. 65 об.]. Таким образом, одна категория зависимого крестьянства у шапсугов и нутухайцев (возможно, и у абадзехов) прекратила свое существование. Ничего подобного в других группах адыгов не происходило.

Но у шапсугов, нутухайцев и абадзехов зависимое или крепостное крестьянство не полностью исчезло. У них сохранилась вторая категория за-

висимого крестьянства. Оно обычно отдавало своим господам половину произведенной продукции [Дьячков-Тарасов, 1902, с. 39; Хан-Гирей, 1978, с. 125; Longworth, 1840, v. 2, p. 128].

3.2. Братства и сельские общины в социально-политических процессах

Еще одной особенностью общественного строя шапсугов, натухайцев и абадзехов являются особые объединения, носившие в источниках очень разные наименования: *род, фамилия, братство, клан, колено, племя*. Первоначально это, видимо, были группы родственников, ведущих происхождение от одного общего предка. Но каждая такая фамилия могла принимать в свой состав и людей, не связанных с нею родством: «Человека, переходящего к ним из другого племени по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни был рода и звания, с семейством или без семейства, должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится, и водворять его, дав ему для этого необходимое вспомоществование, приводя причем к присяге, состоящей в том, чтобы быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода, или фамилии, условия» [Хан-Гирей, 1978, с. 210—211]. Родственные группы существовали у всех народов Северного Кавказа, как и во многих других регионах. Они тоже могли принимать новых людей в свой состав, но такая инкорпорация была все же редким явлением. Особенность шапсугов, натухайцев и абадзехов заключается именно в том, что у них эта практика приобрела необыкновенное распространение. Это было связано с социальными отношениями и конфликтами того периода. Многие крестьяне из соседних групп адыгов переходили к ним, чтобы избавиться от власти своих князей. Их принимали в местные фамилии, которым это позволило увеличить численность и помогло, как считал Хан-Гирей, одержать верх над дворянством и значительно расширить свою территорию [Там же, с. 211].

Постепенно все меньшую роль в таких объединениях стало играть кровное родство, а все большую — присяга. Не случайно одно из их названий — «соприсяжные собратства» [Там же, с. 210]. Тем не менее члены этих групп продолжали вести себя как родственники. Например, сохранялась и строго соблюдалась экзогамия. Признаками братства, как и рода, были взаимопомощь и взаимная защита [Bell, 1840, v. 1, p. 84, 347]. В этом отношении братство являлось как бы продолжением рода в новых условиях.

Братство не имело общей территории. Один крупный шапсугский род Ачмиз был расселен по нескольким притокам Кубани, по Черноморскому побережью Кавказа и среди натухайцев [ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 527, л. 1 об.]. Соответственно, по соседству часто жили представители разных

братств. На Черноморском побережье Кавказа, между реками Аше и Псе-зуапсе, на сравнительно небольшой территории проживали люди, принадлежавшие к 79 разным фамилиям [ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1206, л. 2].

Особенностью братств была их сложная многоступенчатая структура. Первую ступень составляли группы близких родственников, происходивших от вполне реального предка, на следующих ступенях родство становилось все более отдаленным. Высшую ступень составляли большие братства. У шапсугов было 4 таких братства: Кобле, Схапете, Гоаго и Со-отох, — два последних объединялись между собой. Что касается натухайцев, то большинство авторов упоминают только 3 их «братства»: Натхо, Нетдахо и Гоаие. [Люлье, 1857а, с. 235; Хан-Гирей, 1978, с. 205—209]. Хан-Гирей пишет еще об одной группе, состоящей из 11 фамилий, которая позже присоединилась к натухайцам, но не указывает ее имя. Однако в одном архивном документе оно все же названо — это братство Емиц [ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 527, л. 6]. Оно объединялось с братством Гоаие, то есть у натухайцев, как и шапсугов, тоже было 4 или 3 братства. И абадзехи делились на несколько крупных братств, но о них сохранились противоречивые сведения. В некоторых источниках упоминаются два братства [Хан-Гирей, 1978, с. 200], в других — 8, причем каждое из 8 абадзехских братств было связано родством с одним шапсугскими или натухайским братством [Лапинский, 1995, с. 77].

Существовали предания об общем происхождении членов больших братств. Так, считалось, что когда-то натухайцы включали в свой состав два рода, шапсуги — 3, затем они разрослись и разделились на множество родов [Люлье, 1857а, с. 228, 231; Хан-Гирей, 1978, с. 203]. То есть члены большого братства тоже считались родственниками, и внутри него тоже браки были запрещены, то есть соблюдалась экзогамия [Bell, v. 2. p. 270].

Однако так же, как отдельный род мог принимать в свой состав пришельцев, так и большое братство могло присоединить к себе чужой род — чаще всего из числа адыгов, но иногда и из других народов. И даже большое братство могло иметь иноплеменное происхождение. Шапсугское братство Гоаго состояло из хатукайцев (еще одна группа адыгов), которые перешли к шапсугам, чтобы получить защиту от своих князей. Натухайское братство Гоаие было когда-то самостоятельным племенем, жившим на черноморском побережье, но впоследствии присоединилось к натухайцам [Люлье, 1857а, с. 228, 229; Хан-Гирей, 1978, с. 203].

В других группах адыгов таких крупных братств, включавших в свой состав десятки фамилий и тысячи или десятки тысяч человек, не существовало. Возможно, потому, что они были несовместимы с княжеской властью.

Дворянские фамилии у шапсугов и натухайцев «причислялись» к тому или иному братству. У шапсугов дворянские фамилии Абат, Чуха и Горкоз были «соприсяжниками» и присоединялись к большому братству Кобле, дворянский род Шеретлуко — к братству Гоаго-Соотох, дворянская фамилия Немере — к братству Схапете. Точно так же натухайское и абадзехское дворянство делилось на несколько групп, каждая из которых присоединялась к тому или иному большому братству [Хан-Гирей, 1978, с. 200—209]. Это позволяет предположить, что дворянство у шапсугов, натухайцев и абадзехов происходило от родовой аристократии и когда-то каждое большое братство управлялось одной или несколькими дворянскими фамилиями.

Вопрос о происхождении и социальной сущности адыгских братств вызывал интерес у многих ученых, высказывавших различные мнения. Их считали «вторичными образованиями», далекими «от архаической родоплеменной структуры» [Кажаров, 2014, с. 154, 161]; или политическими союзами, выросшими «из общей системы родства адыгов» [Бгажноков, 2016, с. 13, 19]; или «древними фратриями» по своему первоначальному происхождению [Гарданов, 1964, с. 30].

Такие признаки братства, как экзогамия, представление об общем происхождении, действительно сближают их с кровнородственными структурами. Однако в XIX веке они основывались не только и не столько на родственных связях, сколько на присяге, то есть на договоре о взаимопомощи и взаимной защите, что уподобляло их политическим союзам.

Не менее важную роль, чем братства, в общественном строе шапсугов, натухайцев и абадзехов играли территориальные объединения. Прежде всего, это сельская община. Шапсуги, натухайцы и абадзехи обычно жили в небольших аулах, поэтому в состав такой общины входили несколько аулов. Впоследствии, в 1840—50 годы, была сделана попытка ввести более правильное разделение на сотни дворов [Карлгоф, 1960, с. 544; Лапинский, 1995, с. 77].

Жители каждой общины самостоятельно решали многие вопросы на своих собраниях. Во главе общины стояли «старшины» — уважаемые люди, к мнению которых прислушивались остальные. Но эти «старшины» не имели «никакой определенной власти; обязанность их состоит более в преимуществе давать советы и наставления, но они не повелевают» [Люлье, 1857а, с. 235—236].

Более крупное территориальное объединение у большинства шапсугов и натухайцев составляло население речной долины, которое могло насчитывать от нескольких сотен до нескольких тысяч дворов [Сталь, 1900, с. 94]. Они самостоятельно могли решать многие важные вопросы, для чего им необходимо было собраться. Например, жители долины Шебша вели переговоры с начальником военного укрепления, расположенного по-

близости [ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 772, л. 4—4 об.]. Старшины и здесь не могли самостоятельно принимать решения, они должны были заручиться поддержкой жителей.

Некоторыми особенностями отличалось территориальное деление шапсугов и натахайцев черноморского побережья. Здесь верховья рек находились в труднодоступных местах и были слабо связаны с их низовьями, поэтому прибрежные общества были отделены от горных. Их население, как и жители речных долин на севере, самостоятельно решало многие важные вопросы на своих собраниях, в которых участвовали представители большинства дворов [ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1206, л. 1 об. — 2].

Среди горных обществ наиболее известны хакучи, жившие в верховье реки Псезуапсе и по притокам реки Пшехи. У них община совпадала, скорее, с населением одного ущелья, и хакучи включали в свой состав несколько подобных общин.

У абадзехов, как и у хакучей, население нескольких речных долин объединялось в более крупные общества, из которых наиболее известны 7: туба, темдаши, джангет-хабль, даур-хабль, нежуко-хабль, гатюко-хабль, тфишебс. Они также были во многом самостоятельны [Сталь, 1900, с. 154].

Если сельские общины в том или ином виде существовали у всех адыгов, как и у многих других народов, то более крупные территориальные объединения — это особенность именно шапсугов, натахайцев и абадзехов. В других группах адыгов их не было. Они могли подразделяться только на отдельные княжеские владения. Но что-то похожее существовало в Дагестане — это союзы сельских общин [Проблема государственности ..., 2018, с. 12; Добрякова и др., 2018, с. 16].

Крупные территориальные общества шапсугов, натахайцев и абадзехов объединялись в еще более крупные союзы. Северная часть натахайцев и шапсуги, жившие к северу от Главного Кавказского хребта, составляли один такой союз, к которому присоединялись и абадзеки. Натахайцы и шапсуги черноморского побережья южнее Геленджика входили во второй союз, в котором важную роль играли их соседи убыхи [АКАК, 1885, с. 670].

Система управления у этих групп опиралась как на братства разных уровней, так и на территориальные объединения разных уровней. Судьи выбирались в каждой общине и в братствах [Хан-Гирей, 1978, с. 137—138; Bell, 1840, v. 2, p. 237]. В пределах одной речной долины в суд и в совет делегировалось по 2 человека от каждого из 8 братств (4 шапсугских и 4 натахайских) [Лапинский, 1995, с. 78]. Способов выбирать представителей на общее народное собрание было два: от братства (для чего оно должно было предварительно собраться) или от общины, что бывало чаще [Люлье, 1857a, с. 235].

В таком собрании имел право присутствовать каждый свободный человек, иногда собирались тысячи людей [Bell, 1840, v. 2, p. 81]. Однако главную роль в их работе играли именно «старшины», которые пользовались доверием народа [Longworth, 1840, v. 1, p. 103—104.]. Активное участие в работе собраний принимали также дворяне.

В 1830-е годы при попытке сформировать общие органы власти у шапсугов и нутухайцев были выбраны 16 старейшин — по два от каждого из 8 братств [Bell, 1840, v. 2, p. 270], но военные действия не позволили довести эту реформу до конца. И даже когда Магомет-Амин, присланный Шамилем в Черкесию, пытался создать там новую политическую систему, то и он опирался на братства. В совет мехкеме в каждом шапсугском и нутухайском округе входили 16 человек: по 2 от каждого шапсугского и нутухайского большого братства [Лапинский, 1995, с. 217]. Но и эти реформы, как и все остальные, оказались недолговечными.

4. Заключение = Conclusions

Некоторые из особенностей общественного строя шапсугов, нутухайцев и абадзехов были давно известны: у этих трех групп не существовало княжеской власти, их дворянство в первой половине XIX века в значительной степени потеряло свои привилегии и свою власть. Свободные крестьяне стали полноправными членами общества — принимали активное участие в народных собраниях и определяли развитие общества. Другие же особенности значительно менее известны и изучены. Тот факт, что значительная часть зависимого (крепостного) крестьянства в этот период получила у шапсугов и нутухайцев свободу, не был замечен большинством исследователей.

Некоторые особенности общественного строя шапсугов, нутухайцев и абадзехов были унаследованы из прошлого и являются следствием их расселения в горах, благодаря которому они могли уклониться от подчинения княжеской власти. Другие же появились в результате длительной борьбы между крестьянством и дворянством. Одной из важных причин успеха крестьян явилось широкое распространение огнестрельного оружия.

Некоторые особенности общественного строя шапсугов, нутухайцев и абадзехов отражают приспособление старых социальных структур к новым условиям. Примером являются братства, которые первоначально были основаны на кровном родстве, а со временем все большую роль в их формировании стала играть присяга о взаимопомощи. Они имели сложную многоступенчатую структуру, начиная от небольших групп близких родственников и заканчивая крупными братствами, включавшими в свой состав десятки фамилий и тысячи или даже десятки тысяч человек.

Братства позволили шапсугским, натухайским и абадзехским крестьянам успешно противостоять дворянству и лишить его власти, благодаря братствам численность и территория этих трех групп значительно увеличились.

Еще одна особенность общественного строя шапсугов, натухайцев и абадзехов — территориальные объединения разных уровней: сельские общины, более крупные общества и, наконец, два политических союза — северный и южный. В первой половине XIX века неоднократно предпринимались попытки объединить их и всех адыгов в общее государство. При этом органы власти создавались на основе больших братств. Существование братств и территориальных объединений — важная особенность общественного строя шапсугов, натухайцев и абадзехов, которая вместе с отсутствием князей и значительным ослаблением влияния дворянства отличает их от других групп адыгов.

Источники и принятые сокращения

1. АКАК — *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией : в XII томах. — Тифлис : Типография Главного нач. Гражд. частью, 1885. — Том X. — 938 с ; 1904. — Том XII. — 1556 с.
2. ГАКК — *Государственный архив* Краснодарского края. Ф. 249 (Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска). Оп. 1. Д. 383. Лл. 3—8; Д. 1231. № 43. Л. 4 ; Ф. 260 (Канцелярия начальника Черноморской береговой линии). Оп. 1. Д. 1206. Лл. 1 об. — 2 ; Ф. 261 (Канцелярия начальника нижекубанской кордонной линии). Оп. 1. Д. 89. Л. 65 об ; Ф. 261. Оп. 1. Д. 527. Лл. 1 об. — 6 ; Ф. 261. Оп. 1. Д. 772. Лл. 4—4 об ; Ф. 261. Оп. 1. Д. 890. Лл. 118.
3. Каменев Н. Бассейн Псекупса / Н. Каменев // Кубанские войсковые ведомости : газета. — 1867. — № 2, 5, 14, 23, 27, 28, 29, 49.
4. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Т. Лапинский. — Нальчик : Эль-фа, 1995. — 462 с.
5. Хан-Гирей. Беслыйный Абат / Хан-Гирей // Кавказ : газета. — 1847. — № 42—47.
6. ЦГА КБР — *Центральный государственный архив* Кабардино-Балкарской республики. Ф. Р-1209 (Коллекция документов по истории Кабардино-Балкарии). Оп. 17. Д. 61. Л. 94 об.
7. Bell J. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839 : in 2 vol. / J. Bell. — London, 1840. — Т. 1—2.
8. Longworth J. A. A year among the Circassians : in 2 vol. / J. A. Longworth. — London : Colburn, 1840. — Vol. 1. — 341 p.

Литература

1. Азизова П. М. Краткие сведения о союзе вольных обществ нагорного Дагестана «Каралал» / П. М. Азизова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 10—1. — С. 110—112.
2. Ахмадов Ш. Б. Из истории развития вольных (сельских) обществ в горной Чечне и Ингушетии в XVIII — начале XIX в. / Ш. Б. Ахмадов // Известия высших учебных

заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2004. — № 2 (126). — С. 22—26.

3. *Бгажноков Б. Х.* Социальная сущность сопредельных братств / Б. Х. Бгажноков // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. — 2016. — № 2 (29). — С. 13—20.

4. *Гарданов В. К.* Адыгские братства в XVIII — первой половине XIX в. / В. К. Гарданов // Советская этнография. — 1964. — № 2. — С. 19—37.

5. *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. (XVIII — первая половина XIX в.) / В. К. Гарданов. — Москва : Наука, 1967. — 331 с.

6. *Дзюба Н. В.* Проблема государственности горцев Дагестана (конец XVIII — начало XIX вв.) / Н. В. Дзюба, В. Б. Лобанов, Д. В. Овсянников, С. Р. Рустамова // Современная научная мысль. — 2018. — № 1. — С. 9—14.

7. *Дмитриев В. А.* Западные адыги : социум и пространство : к. XVIII — первая половина XIX вв. / В. А. Дмитриев // Северный Кавказ : традиционное сельское общество. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — С. 204—236. — ISBN 978-5-02-025227-1.

8. *Добрякова Н. А.* Проблема государственности горцев Чечни (конец XVIII — начало XIX вв.) / Н. А. Добрякова, В. Б. Лобанов, Д. В. Овсянников // Современная научная мысль. — 2018. — № 1. — С. 14—18.

9. *Дьячков-Тарасов А. Н.* Абадзехи / А. Н. Дьячков-Тарасов // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. — 1902. — Книга XXII. — Выпуск 4. — 52 с.

10. *Кажаров В. Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов / В. Х. Кажаров. — Нальчик : Печатный двор, 2014. — 904 с. — ISBN 978-5-905770-42-5.

11. *Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен / Н. Карлгоф // Русский вестник. — 1860. — № 8. — С. 517—550.

12. *Коротаев А. В.* Горы и демократия : к постановке проблемы / В. А. Коротаев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 1995. — № 3. — С. 18—26.

13. *Люлье Л. Я.* О натухажцах, шапсугах и абадзехах / Л. Я. Люлье // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. — 1857. — Книга V. — С. 227—237.

14. *Люлье Л. Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми : черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними / Л. Я. Люлье // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. — 1857. — Книга IV. — С. 173—193.

15. *Люлье Л. Я.* Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухайцев / Л. Я. Люлье // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. — 1866. — Книга VII. — С. 1—18.

16. *Очерки истории Адыгеев / Адыгейский НИИ языка, литературы и истории.* — Майкоп : Адыгейское книжное издательство, 1957. — Т. 1. — 484 с.

17. *Покровский М. В.* Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Социально-экономические очерки / М. В. Покровский. — Краснодар : Книжное издательство, 1989. — 319 с. — ISBN 5-7561-0147-0.

18. *Скотт Дж. С.* Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Дж. С. Скотт. — Москва : Новое издательство, 2017. — 565 с. — ISBN 978-5-98379-200-5.

19. *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа / К. Ф. Сталь // Кавказский сборник. — 1900. — Том 21. — С. 53—173.

20. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии / Хан-Гирей ; вступительная статья и подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. — Нальчик : Эльбрус, 1978. — 333 с.

21. Хотко С. Х. 1796 год в истории Черкесии : реализация противоположных политических стратегий / С. Х. Хотко // Вестник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. — 2016. — № 9 (33). — С. 172—181.

22. Цеева З. А. Влияние ландшафта на становление демократических институтов в горных адыгских обществах : к постановке проблемы / З. А. Цеева // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2017. — Выпуск 2 (199). — С. 68—80.

23. Чирг А. Ю. Общественно-политические преобразования у западных адыгов в период Кавказской войны / А. Ю. Чирг // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX—XXI вв. Материалы Международной научной конференции. — Ростов-на Дону : Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета, 2013. — С. 274—277.

Material resources

Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission: in XII volumes, X, XII. (1885, 1904). Tiflis: Printing house Glavnonach. Civil part. 938 p.; 1556 p. (In Russ.).

Bell, J. (1840). *Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839: in 2 volumes, 1—2.* London.

Central State Archive of the Kabardino—Balkarian Republic. F. R-1209 (Collection of documents on the history of Kabardino-Balkaria). (In Russ.).

Kamenev, N. (1867). Pool Psekups. *Kuban military Gazette: newspaper*, 2, 5, 14, 23, 27, 28, 29, 49. (In Russ.).

Khan-Giray. (1847). Beslly Abat. *Kavkaz: gazeta*, 42—47. (In Russ.).

Lapinsky, T. (1995). *The Mountaineers of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians.* Nalchik: El-fa. 462 p. (In Russ.).

Longworth, J. A. (1840). *A year among the Circassians: in 2 volumes, 1.* London: Colburn. 341 p.

Russian State Military Historical Archive. F. 846 (Military Accounting Archive). (In Russ.).

The State Archive of the Krasnodar Territory. F. 249 (Office of the ataman of the Kuban Cossack army). F. 260 (Office of the Chief of the Black Sea coastline). F. 261 (Office of the chief of the Nizhnokubanskaya cordon line). (In Russ.).

References

Akhmadov, Sh. B. (2004). From the history of the development of free (rural) societies in mountainous Chechnya and Ingushetia in the XVIII — early XIX century. *News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*, 2 (126): 22—26. (In Russ.).

Azizova, P. M. (2014). Brief information about the Union of free societies of Nagorny Dagestan “Karatl”. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 10—1: 110—112. (In Russ.).

Bgazhnokov, B. H. (2016). The social essence of the fraternities. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies*, 2 (29): 13—20. (In Russ.).

Chirg, A. Yu. (2013). Socio-political transformations among Western Adygs during the Caucasian war. In: *Metamorphosis vs Transformation. Multidisciplinary approach to the study of the history of the Adygs in the XIX—XXI centuries. Materials of the International Scientific Conference.* Rostov-on-Don: North Caucasus Research Center of the Higher School of the Southern Federal University. 274—277. (In Russ.).

- Dmitriyev, V. A. (2007). Western Adygs: society and space: K. XVIII — the first half of the XIX centuries. In: *North Caucasus: Traditional rural society*. Saint Petersburg: Nauka. 204—236. ISBN 978-5-02-025227-1. (In Russ.).
- Dobryakova, N. A., Lobanov, V. B., Ovsyannikov, D. V. (2018). The problem of statehood of the mountaineers of Chechnya (late XVIII — early XIX centuries). *Modern scientific thought*, 1: 14—18. (In Russ.).
- Dyachkov-Tarasov, A. N. (1902). Abadzehi. *Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society*, XXII (4): 52 p. (In Russ.).
- Dzyuba, N. V., Lobanov, V. B., Ovsyannikov, D. V., Rustamova, S. R. (2018). The problem of statehood of the mountaineers of Dagestan (late XVIII — early XIX centuries). *Modern scientific thought*, 1: 9—14. (In Russ.).
- Essays on the history of Adygea / Adygea Research Institute of Language, Literature and History*, 1. (1857). Maykop: Adyge Book Publishing House. 484 p. (In Russ.).
- Gardanov, V. (1964). The Adyge fraternities in the XVIII — first half of the XIX century. *Soviet Ethnography*, 2: 19—37. (In Russ.).
- Gardanov, V. K. (1967). *The social system of the Adyge peoples. (XVIII — the first half of the XIX century)*. Moscow: Nauka. 331 p. (In Russ.).
- Karlhof, N. (1860). About the political structure of Circassian tribes. *Russian Bulletin*, 8: 517—550. (In Russ.).
- Kazharov, V. H. (2014). *Selected works on the history and ethnography of the Adygs*. Nalchik: Printing Yard. 904 p. ISBN 978-5-905770-42-5. (In Russ.).
- Khan-Giray. (1978). *Notes on Circassia*. Nalchik: Elbrus. 333 p. (In Russ.).
- Khotko, S. H. (2016). 1796 in the history of Circassia: the implementation of opposing political strategies. *Bulletin of the Adygea Republican Institute of Humanitarian Studies named after T. M. Kerashev*, 9 (33): 172—181. (In Russ.).
- Korotaev, A. V. (1995). Mountains and democracy: towards the formulation of the problem. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, 3: 18—26. (In Russ.).
- Lyulye, L. Ya. (1857). About natukhazhtsy, shapsug and abadzeh. *Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society*, V: 227—237. (In Russ.).
- Lyulye, L. Ya. (1857). A general view of the countries occupied by the mountain peoples called Circassians (Adige), Abkhazians (azega) and others related to them. *Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society*, IV: 173—193. (In Russ.).
- Lyulye, L. Ya. (1866). Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhaytsev. *Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society*, VII: 1—18. (In Russ.).
- Pokrovsky, M. V. (1989). *From the history of the Adygs at the end of the XVIII — first half of the XIX century. Socio-economic essays*. Krasnodar: Book Publishing House. 319 p. ISBN 5-7561-0147-0. (In Russ.).
- Scott, J. S. (2017). *The Art of being beyond control. Anarchic History of the Highlands of Southeast Asia*. Moscow: New Publishing House. 565 p. ISBN 978-5-98379-200-5. (In Russ.).
- Steel, K. F. (1900). Ethnographic essay of the Circassian people. *Caucasian collection*, 21: 53—173. (In Russ.).
- Tseeva, Z. A. (2017). The influence of the landscape on the formation of democratic institutions in mountain Adyge societies: towards the formulation of the problem. *Bulletin of the Adygea State University*, 2 (199): 68—80. (In Russ.).